

DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.14

УДК 316.45 / ББК 60.548

© Базуева Е.В., Артамонова А.С.

Диффузия волонтерства за рубежом и в России: культурные основания, оценка барьеров, технологии интенсификации*

**Елена Валерьевна
БАЗУЕВА**

Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Российская Федерация
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: bazueva.l@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0945-3597; ResearcherID: E-1233-2017

**Анна Станиславовна
АРТАМОНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: artamonova.ast@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7585-2123; ResearcherID: I-6176-2016

Аннотация. Необходимость интеграции волонтерства в национальные стратегии достижения целей устойчивого развития, значимость его роли в уменьшении последствий кризисных процессов, вызванных пандемией коронавирусной инфекции, интенсифицировали научный поиск барьеров гражданского участия в волонтерской деятельности и механизмов их нивелирования. При этом исследователи акцентируют внимание на выявлении барьеров определенного типа на примере одной страны или группы стран, а при описании направлений их нивелирования недооценивают роль характеристик национальной культуры страны. Цель данного исследования заключается в систематизации барьеров и перспективных технологий интенсификации диффузии

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект 19-011-00724 А «Барьеры гражданского участия и механизмы их преодоления на региональном уровне».

Для цитирования: Базуева Е.В., Артамонова А.С. Диффузия волонтерства за рубежом и в России: культурные основания, оценка барьеров, технологии интенсификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 6. С. 240–257. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.14

For citation: Bazueva E.V., Artamonova A.S. The diffusion of volunteering abroad and in Russia: Cultural foundations, assessment of barriers, intensification technologies. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 6, pp. 240–257. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.14

волонтерства среди населения и определении значимых характеристик национальной культуры в этом процессе. Барьеры диффузии волонтерской деятельности в обществе систематизированы в три группы: барьеры со стороны государства, барьеры со стороны некоммерческого сектора и барьеры со стороны индивида. Показана национальная специфика в их формировании, обусловленная особенностями возникновения и эволюции волонтерства в процессе социально-экономического развития. С использованием постулатов институциональной экономической теории идентифицирована система институтов по интенсификации диффузии волонтерства в обществе, включающая институты продвижения волонтерских практик, институты развития гражданского общества, институты развития горизонтальных связей посредством сетевых механизмов диффузии норм гражданского участия, институты повышения репутации волонтерской деятельности среди населения, институт волонтерского образования, институты повышения мотивации участия в волонтерстве. На основе эконометрического анализа определено, что такие культурные характеристики, выделенные Г. Хофстеде, как уровень индивидуализма, феминности и терпимости, оказывают значимое влияние на уровень развития волонтерства в стране. С учетом выявленных культурных характеристик и эффективных технологий, способствующих вовлечению населения в волонтерскую деятельность, названы направления интенсификации данного процесса в России. Перспективным направлением будущих исследований для авторов станет разработка комплексной системы институтов диффузии волонтерства в РФ.

Ключевые слова: развитие волонтерства, барьеры, механизмы нивелирования, формальные и неформальные институты, институты интенсификации диффузии волонтерства, национальная культура, культурные характеристики Г. Хофстеде, устойчивое развитие.

Введение

В настоящее время все чаще мировую общественность, исследователей и представителей гражданского общества волнуют вопросы, связанные с алгоритмом достижения целей устойчивого развития, которое предполагает равномерность результатов развития национальных социально-экономических систем в экономическом, социальном и экологическом направлениях. В этом ключе внимание акцентируется на определении движущих факторов устойчивого развития, обеспечивающих достижение установленных целевых индикаторов. В качестве одного из таких факторов ООН выделяет степень интеграции волонтерства в национальные стратегии реализации Повестки-2030¹. Не случайно правительства стран при подготовке Добровольных национальных обзоров прогресса в области устойчивого развития на период до 2030 года обращаются к различным формам участия гражданского общества, в том числе волонтерской

деятельности², а реализация различных проектов ООН с участием волонтеров в странах мира освещается в аспекте достижения конкретных целей устойчивого развития³.

Осознание важности вклада волонтеров в устойчивое развитие обусловлено их приближенностью к точечному решению различных проблем местного сообщества благодаря взаимодействию с основными стейкхолдерами — частным сектором, органами власти и населением. В этом случае у граждан появляется осознание сопричастности, заинтересованности и личной ответственности в решении локальных проблем, интегрированных с достижением глобальных трендов устойчивого развития общества⁴.

² См., например: Российская Федерация: Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Москва, 2020; Добровольные национальные обзоры. URL: <https://www.ohchr.org/EN/Issues/SDGS/Pages/2021VoluntaryNationalReviews.aspx>

³ UN volunteers. URL: <https://www.unv.org/>

⁴ Подробнее см.: Сводный доклад о работе по плану действий «Интеграция добровольчества в повестку дня на период до 2030 года» в регионе Европейской экономической комиссии Организации объединенных наций». 28 с. URL: www.unv.org/planofaction

¹ Подробнее см.: Сводный доклад о работе по плану действий «Интеграция добровольчества в повестку дня на период до 2030 года» в регионе Европейской экономической комиссии Организации объединенных наций». 28 с. URL: www.unv.org/planofaction

Кроме того, необходимость привлечения волонтеров с целью снижения социальных рисков и стабилизации деструктивных социальных процессов актуализировалась в 2019 году в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 [1]. Кризисные процессы, вызванные пандемией COVID-19, привели к быстрому росту числа волонтеров. Например, Национальная служба здравоохранения Великобритании привлекла к помощи 500 тысяч волонтеров за 24 часа⁵. В России количество волонтеров, по данным портала Добро.ru⁶, с 2019 по 2020 год увеличилось почти на 70 тысяч человек. Для поддержки волонтеров, которые в условиях пандемии COVID-19 взяли на себя заботу о гражданах, оставшихся без помощи и опеки, Правительством РФ утверждены правила специальных выплат за волонтерскую деятельность во время кризиса⁷. Так, к примеру, Всероссийскому общественному движению добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики» в 2020 году из резервного фонда Правительства РФ было выделено более 242 млн рублей⁸.

Несмотря на признание вклада волонтерства в развитие национальных социально-экономических систем и решение социально значимых проблем современного общества, уровень его распространения в странах остается низким. Так, по данным отчета «О состоянии добровольчества в мире за 2018 год: связующая нить», в 2016 году доля волонтеров в общей численности населения не превышала 7%⁹. В пятерку лидеров по этому показателю входили Канада (6,98%), Новая Зеландия (6,46%), Люксембург (6,28%), Швеция (6,14%), Австрия (5,99%). Аутсайдерами по участию населения

в волонтерской деятельности стали Пакистан (0,39%), Индия (0,69%), Корея (0,73%), Южная Африка (0,85%), РФ (0,98%)¹⁰.

Вышесказанное определило интенсификацию научного поиска барьеров гражданского участия в волонтерской деятельности и механизмов их нивелирования. При этом, судя по результатам нашего анализа, исследователи, как правило, акцентируют внимание на выявлении барьеров определенного типа на примере одной страны или группы стран. Так, рассмотрены проблемы вовлечения в общественную жизнь в форме волонтерской деятельности пожилых людей [2; 3; 4], молодежи [5; 6], проведен анализ гендерных различий гражданского участия [7; 8], исследованы вопросы развития волонтерства в сфере защиты окружающей среды [9], спорта [10] и т. д. К наиболее комплексным работам можно отнести, например, отчеты о состоянии волонтерства в государствах — членах Европейского союза¹¹.

Снижение барьеров рассматривается с точки зрения управления индивидуальными предпочтениями в аспектах увеличения готовности (индивидуальные мотивации и ценности), предоставляемых возможностей и предполагаемой доступности участия в волонтерской деятельности [4; 11; 12], а также принятия правительством мер по созданию условий, необходимых для увеличения участия населения в волонтерской деятельности¹² [5]. Однако только в некоторых исследованиях присутствует акцент на формировании культуры, создании ценности волонтерства в обществе. В этом аспекте волонтерство воспринимается как залог просоциального поведения, как фактор, способствующий повышению социальной справедливости и социальной ответственности [13].

Следует отметить, что нам не встретились статьи, в которых создание таких условий предлагалось бы дифференцировать с учетом культурных особенностей страны, предопределяющих выбор и закрепляющих соответствующие

⁵ Tierney S., Mahtani K.R. Volunteering during the COVID-19 pandemic: What are the potential benefits to people's well-being? Available at: <https://www.cebm.net/covid-19/volunteering-during-the-covid-19-pandemic-what-are-the-potential-benefits-to-peoples-well-being/>

⁶ <https://dobro.ru/analytics>

⁷ <http://government.ru/news/39800/>

⁸ <http://government.ru/docs/39370/>

⁹ Рассчитано авторами на основе Отчета о состоянии добровольчества в мире за 2018 год: связующая нить. URL: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf и Доклада о добровольчестве (волонтерстве) в Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=169>

¹⁰ Страны-аутсайдеры приведены в альтернативном порядке от наименьшего показателя к большему.

¹¹ https://ec.europa.eu/citizenship/about-the-europe-for-citizens-programme/studies/index_en.htm

¹² Laws and Policies Affecting Volunteerism Since 2001. A Research Report. United Nations Volunteers (UNV), 2009. 103 с.; State of the World's Volunteerism Report. Transforming Governance. United Nations Volunteers (UNV), 2015. 132 с.

нормы поведения в «коллективном действии». В данном случае речь идет о неформальных институтах, имеющих глубокие исторические корни, передающихся путем обучения и имитации от одного поколения к другому, которые, как правило, являются внутренне обязательными для человека стандартами поведения [14, с. 57]. Эти правила социального взаимодействия определяют иерархию ценностей, разделяемых широкими слоями общества, отношение людей к власти, массовые психологические установки, установки на кооперацию и противостояние и т. д. [15]. В последнее время исследователи все чаще обращают внимание на значимость учета влияния данных культурных ценностей и установок на эффективность и отдельные параметры развития национальных социально-экономических систем [16; 17].

В институциональных исследованиях подчеркивается, что изменение культурных установок, в отличие от формальных институтов, происходит медленно. «Теоретики считают, что до 1000 лет может быть устойчивость неформальных институтов. А вот при целенаправленном воздействии значительная подвижка происходит за 25 лет, а практически полное изменение — за 40 лет»¹³. В таком случае возможно введение формальных институтов, противоречащих неформальным правилам, как результат, у экономических субъектов может возникнуть сопротивление к их исполнению или проявляться различные формы оппортунистического поведения. Применительно к волонтерской деятельности это означает, что навязывание ее интенсификации государством не будет иметь результата, в случае если ценности волонтерства не вписываются в культурную конструкцию страны.

Необходимо отметить, что в настоящее время в отдельных исследованиях акцентируется внимание на различиях ценности волонтерской деятельности в зависимости от культурных установок населения в странах. Так, P. Lukka и A. Ellis подчеркивают, что понимание волонтерства будет определяться различиями в социальном, культурном, историческом и политическом положении людей [18].

¹³ Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика — на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. С. 20.

H. Grönlund et al. на примере кросс-национальных сравнений 13 стран доказали, что ценность волонтерства, мотивы и интенсивность участия студентов бакалавриата в волонтерской деятельности имеют статистически значимые различия в зависимости от страны проживания студентов, т. е. определяются национальной культурой в целом и поддержкой некоммерческого сектора в частности [19].

Развивая результаты предшествующих исследований, A. Aydinli, M. Bender, A. Chasiotis показывают, что существует зависимость между разнообразием национальной культуры в аспекте ее индивидуальной и коллективистской составляющих, определяющих, как подчеркивают авторы, уровень национального богатства страны и степень доверия незнакомым людям, и распространенностью волонтерства как формального вида помощи населению. В развитых странах с большим проявлением индивидуализма люди чаще вовлекаются в волонтерскую деятельность [20]. Однако выявление взаимосвязи между другими культурными характеристиками и уровнем развития волонтерства не стало предметом исследования в данной статье.

Исходя из вышесказанного, цель нашего исследования заключается в систематизации барьеров и перспективных технологий интенсификации диффузии волонтерства среди населения и определении значимых характеристик национальной культуры в этом процессе.

Начнем с определения барьеров, препятствующих развитию волонтерства, и анализа эффективных зарубежных технологий по их нивелированию.

Барьеры развития волонтерства и механизмы их нивелирования: российский и зарубежный опыт

Проведенный анализ научной литературы позволил выявить широкий спектр барьеров, препятствующих более активному развитию волонтерства, которые можно систематизировать в три группы: барьеры со стороны государства, барьеры со стороны некоммерческого сектора и барьеры со стороны индивида (табл. 1).

Необходимо подчеркнуть, что такое деление является условным, поскольку вовлеченность в волонтерскую деятельность определяется системой взаимосвязанных факторов, которые могут быть не в полной мере осознаваемыми.

Таблица 1. Систематизация барьеров диффузии волонтерской деятельности в обществе

Барьер	Формы проявления
Со стороны государства	
Институциональные ограничения	Слабая институциональная поддержка некоммерческого сектора в целом и отсутствие механизмов по вовлечению населения в ассоциированное участие (Румыния [5], США [21], Шотландия [9], Россия [22]), чрезмерная бюрократизация волонтерской деятельности (Германия*).
Со стороны третьего сектора	
Асимметрия информации	Неравномерное распространение информации о возможностях, условиях и результатах участия в волонтерской деятельности (Великобритания [23, с. 18], Словения, Литва, Польша [10], США [24]).
Высокие организационные риски	Ошибки менеджмента НКО при организации мероприятий в системе вовлечения и удержания волонтеров (США [4; 25], Словения, Литва, Польша [10], Великобритания [26]).
Низкий уровень распространения волонтерства в окружении	Низкий уровень доверия населения к волонтерским практикам, высокая зависимость уровня вовлеченности в волонтерство от канала распространения информации (приглашение знакомыми). Обесценивание волонтерства как несерьезного и малозначимого занятия. Особенно выраженным барьер является для молодежи (Испания [27], США [28], Нидерланды [29], Израиль [30], Россия [31]).
Финансовые риски	Высокая вероятность невыполнения обязательств в полном объеме в рамках мероприятий в связи с ограничениями финансирования индивидуальных расходов волонтеров на транспорт, проживание, питание (США [25], Словения, Литва, Польша [10], Гана [32]).
Со стороны индивида	
Ограниченность ресурса времени	Лимитированность вовлечения в волонтерскую деятельность в связи с занятостью на основной работе, учебой, выполнением семейных обязанностей и уходом за детьми. Особенно выраженным является для женщин (Великобритания [23], США [8; 33; 34], Германия [7], Шотландия [9], Австралия**, Словения, Литва, Польша [10]).
Индивидуальные условия проектов	Условия проектов ограничивают участие для определенных групп населения. Для несовершеннолетних – в связи с ограничениями правового характера, для пожилых людей сложности связаны с проблемами со здоровьем, для людей с ограниченными возможностями – из-за предвзятого отношения к ним окружающих, воспринимающих их только в качестве получателей помощи или как дополнительную организационную нагрузку (США [3; 4; 6; 35; 36], Новая Зеландия [37], Словения, Литва, Польша [10], Великобритания [23], Ирландия [38]).
Низкая мотивация участия в волонтерстве	Действие эффекта замещения в распределении свободного времени, когда предпочтение отдается другим интересам, не связанным с волонтерством (Мексика [39], США [6], Румыния [5], Австралия**).
* National report – Germany. Study on Volunteering in the European Union. 54 p. ** https://www.abs.gov.au/statistics/people/people-and-communities/general-social-survey-summary-results-australia/latest-release Источник: составлено авторами.	

Зачастую барьеры носят специфический характер, зависящий от сферы реализации волонтерских проектов. К примеру, для волонтерских практик в области спорта большое значение имеют физические характеристики. Кроме того, барьеры диффузии волонтерства имеют национальную специфику, обусловленную как особенностями возникновения и эволюции данного явления в процессе социально-экономического развития страны, так и современными факторами, определяющими его траекторию.

Так, в странах – лидерах по доле волонтеров в общей численности населения развитие волонтерства во многом определялось сильными религиозными традициями, поддерживающи-

ми проявление альтруизма, социальной солидарности и взаимопомощи. К примеру, в Канаде под влиянием церкви формировались институты для поддержки бедных, больных, инвалидов (лечебницы, дома для бедных и малообеспеченных). Волонтерство воспринималось как акт доброй воли, показатель доброты и сострадания. Дальнейшие процессы развития социально-экономической системы (индустриализация, урбанизация) и внешние шоки (Великая депрессия, мировые войны) обусловили потребность в волонтерских объединениях для помощи социально уязвимым категориям населения и привели к интенсивному развитию новых форм гражданского участия.

Несмотря на активное участие государства в создании институтов здравоохранения, образования, градостроительства и т. п. волонтерство с 1960-х гг. становится признаком сильного демократического общества, где развивается целый комплекс разнообразных организаций на местном, региональном и национальном уровнях [2, с. 153–156].

Религиозные традиции оказали заметное влияние и на развитие волонтерства в европейских странах, которые также лидируют по уровню гражданского участия в волонтерской деятельности [40, с. 69]. Кроме того, как подчеркивают Н.К. Anheier и L.M. Salamon, национальная специфика развития третьего сектора и волонтерства во многом определялась особенностями индустриализации социально-экономических систем в аспекте перераспределения власти [41]. В частности, в странах, где в период индустриализации представители промышленности смогли подстроить национальную политику под свои экономические интересы, сформировалась «либеральная модель» развития гражданского общества, для которой характерно большое количество НКО, получающих основное финансирование за счет частных источников (взносы, благотворительные сборы). Такая модель закрепились в Великобритании и Швейцарии. В странах, где индустриализация привела к увеличению рабочего класса и числа НКО, представляющих его интересы, возникла модель «партнерства благосостояния», которая характеризуется значительным участием государства в финансировании социальной сферы через волонтерские организации, чаще всего религиозные. Модель наиболее ярко выражена в государствах Северо-Западной Европы, особенно в Германии и Нидерландах. В странах, где рост наблюдался в отношении как рабочего класса, так и фермерства, возникла социал-демократическая модель, при которой социальные услуги рассматриваются как «право» всех граждан, а не подарок благотворительных организаций. Услуги оказываются непосредственно государственными учреждениями. В Европе эта модель характерна для скандинавских стран и Австрии, лидирующих по диффузии волонтерства среди населения. В странах, где государство играет доминирующую роль и стремится провести быструю модернизацию с ограничением личной свободы граждан, разви-

тие гражданского общества переходит в сферу неформальной экономики. По мнению исследователей, данная «статическая» модель характерна для России, Турции, Испании, Португалии и стран Центральной и Восточной Европы [40, с. 70–73].

В качестве современных факторов, определяющих интенсивность диффузии волонтерства, выделим активные миграционные процессы. Они во многом обуславливают не только особенности волонтерской деятельности в принимающих странах, но и выступают сдерживающим фактором гражданского участия мигрантов. Так, в Канаде, Швеции, Австрии, Новой Зеландии и Люксембурге с целью более эффективной инклюзии мигрантов создана сеть некоммерческих организаций, деятельность которых в большей степени поддерживается местным населением. Для стран – аутсайдеров по доле волонтеров в общей численности населения (Южная Африка, Корея, Индия, Пакистан), напротив, характерно противодействие правилам, устанавливаемым международными организациями [42, с. 37–39], негативное отношение к мигрантам, во многом обусловленное историческим прошлым – процессами колонизации, расовой и этнической сегрегации, миссионерской деятельностью по распространению христианства. Кроме того, сдерживающим фактором выступают традиционные ценности, которые во многом противоречат приоритетам развития, определяемым международными организациями, выступающими грантодателями волонтерских проектов [42, с. 93; 43, с. 10]. В целом третий сектор в этих странах менее институционализирован и находится в сильной зависимости от государственной власти. К примеру, как отмечают корейские ученые, в связи с тем, что гражданская активность часто санкционируется государством, отношение населения к ассоциированному участию в основном негативное [44].

Россия относится к странам с наименьшей долей волонтеров в общей численности населения. В ней практики вовлечения в волонтерскую деятельность также определялись изменением культурно-ценностных установок в процессе развития общества и трансформацией социально-экономических систем. Взаимопомощь и взаимоподдержка, характерные для культуры России, сделали крестьянскую об-

щину одним из самых устойчивых институтов [45, с. 16]. В XIX веке получили развитие такие формы гражданского участия, как помощь нуждающимся (например, «хождения в народ» представителей интеллигенции или городские попечительства о бедных). В советский период культура волонтерства активно структурировалась государством, которое «включало» человека в общественно полезную и социально значимую деятельность. Как подчеркивает И.А. Купцова, формирование такой культуры поддерживалось советским кинематографом и художественными произведениями (системой неформальных институтов¹⁴), демонстрирующими огромный потенциал волонтерской деятельности и значительные, нередко несколько нереальные результаты [46; 47, с. 23]. В начале 1990-х гг. участие населения в волонтерской деятельности значительно сократилось из-за резкого падения уровня жизни¹⁵ и кардинальной смены ценностных установок, когда советские принципы стали противоречить системе вводимых формальных институтов [48; 49], а импортированные подходы к развитию третьего сектора не обеспечили значительной перестройки системы [47, с. 32]. При этом в аспекте нашего исследования важно подчеркнуть, что «многие

из прежних ценностей не исчезли, а оказались отодвинутыми на второй план и пребывают в латентном состоянии» и могут «актуализироваться в измененном, преобразованном виде» [50, с. 114] в случае формирования спроса на них в системе формальных институтов. В целом необходимо отметить, что действующая система государственной поддержки волонтерства в России остается неэффективной на всех уровнях управления, а доминирующие позиции государства коррелируют с ограниченными возможностями развития третьего сектора [22, с. 78; 32].

С учетом разнообразия выделенных барьеров диффузии волонтерства кажется очевидным предположение о том, что способы их преодоления должны быть целенаправленными и сфокусированными на решении конкретных проблем. Анализ зарубежных исследований позволил систематизировать основные направления их нивелирования по различным видам институтов, закрепляющих нормы волонтерских практик, создающих условия их эффективного развития в обществе, а также способствующих изменению ментальных конструкций индивидов через систему побудительных мотивов участия в волонтерской деятельности (табл. 2).

Таблица 2. Система специализированных институтов по интенсификации диффузии волонтерства в обществе

Институты*	Виды специализированных институтов	Страны
Институты продвижения волонтерских практик	Выстраивание сотрудничества между органами власти, гражданским обществом и коммерческими структурами Специальные департаменты по развитию волонтерства среди женщин Специальные законы и программы для стимулирования участия молодежи в волонтерской деятельности, особенно в сельской местности Национальные программы по равномерному распространению волонтерства в регионах страны Выстраивание сотрудничества с международными альянсами, работающими в смежных сферах, с целью повышения значимости мнения местных волонтеров у национальных и региональных органов власти	Новая Зеландия, Люксембург, Канада, Швеция, Австрия, Австралия, Перу Непал, Индия, Бангладеш, Перу, Эстония Гондурас, Мозамбик, Того, Гана, Кения, Китай, Великобритания Чили
Институт развития гражданского общества (система обратных связей)	Привлечение населения к законотворческой деятельности	Канада, Швеция, Эстония, Исландия, Австрия, Люксембург

¹⁴ Уточнение авторов.

¹⁵ Подробнее см.: Bodrenkova G. National IAVE representative for Russia and chairperson of the Moscow Charity House. Volunteer Center and advisor on the committee of Public and Religious affairs in the State Duma.

Окончание таблицы 2

Институты*	Виды специализированных институтов	Страны
Институт развития горизонтальных связей посредством сетевых механизмов диффузии норм гражданского участия	Создание и расширение специальных площадок для совместного обсуждения проблем сообщества ("invited spaces")	Непал, Кения, Уганда, Бразилия, Перу, Новая Зеландия, Австрия
Институты повышения репутации волонтерской деятельности среди населения	Учреждение года волонтерской деятельности для людей 17–28 лет, в течение которого они трудятся в одной из социальных организаций страны полный рабочий день, получая небольшое ежемесячное пособие Награждение волонтерских организаций, стимулирование научно-образовательных учреждений для проведения исследований по теме гражданского участия	Австрия Непал, Кения, Уганда, Бразилия, Перу, Новая Зеландия, Австрия
Институт волонтерского образования	Проведение форумов для повышения участия женщин в волонтерской деятельности посредством развития необходимых знаний и навыков	Непал, Индия, Перу, Бангладеш
Институты повышения мотивации участия в волонтерстве	Создание «паспорта волонтера», в котором содержится информация обо всех волонтерских практиках участия человека в течение жизни с перечислением навыков, использованных в данном процессе Освобождение от уплаты НДФЛ на расходы, связанные с волонтерской деятельностью, сохранение пособий по безработице при заключении контракта на волонтерскую деятельность	Австрия, Франция, Австралия Македония

* Сформулированы авторами на основе использования положений институциональной экономической теории.
Составлено по: Laws and Policies Affecting Volunteerism Since 2001. A Research Report. United Nations Volunteers (UNV), 2009. 103 p.; State of the World's Volunteerism Report. Transforming Governance. United Nations Volunteers (UNV), 2015. 132 p.; Study on Volunteering in the European Union. National Report – Austria. 28 p. URL: <https://www.asi.org.ru/2020/12/16/soczialnye-uslugi-vtoroj-volny/>; https://ec.europa.eu/citizenship/pdf/national_report_at_en.pdf; <https://www.oecd.org/gov/regulatory-policy/46547003.pdf>; <https://gr-eat.eu/the-volunteer-passport-france-benevolat/>; <https://www.wevolunteer.org.au/volunteer-passport/>; [51; 52; 53].

Данные таблицы 2 свидетельствуют, что наиболее развитая сеть специализированных институтов, целью которых является интенсификация диффузии волонтерства в обществе, характерна для стран – лидеров по вовлечению населения в эту форму гражданского участия. Подчеркнем, что указанные институты в этих странах стабилизируют закрепление волонтерских практик в системе прямых, обратных и горизонтальных связей, которая формирует условия для самоподдерживающейся институциональной системы [54].

В целом, как показал наш анализ, технологии нивелирования барьеров развития волонтерства не интегрированы в культурную конструкцию страны. Классическим примером являются попытки вовлечь женщин в обсуждение и решение социальных проблем в патриархальных обществах, в т. ч. в форме волонтерства, что противоречит действующей системе неформальных институтов. Представляется, что

учет культурных характеристик, интенсифицирующих развитие волонтерства, способствовал бы повышению эффективности предлагаемых механизмов, поскольку был бы согласован с ценностными установками большей части населения страны. Выявлению данных культурных характеристик посвящен следующий раздел статьи.

Эконометрический анализ взаимосвязи интенсивности диффузии волонтерства и культурных параметров страны

Согласно нашей гипотезе, для национальной культуры должны быть свойственны определенные ценности и поведенческие установки, которые способствуют интенсификации распространения волонтерства среди населения страны.

Результативным признаком в модели является доля волонтеров в общей численности населения. Считаем, что по сравнению с абсолютным значением данного показателя в

виде количества волонтеров в стране он позволяет учесть масштабы распространения волонтерства в обществе. Заметим, что в настоящее время в правительственных отчетах о состоянии волонтерства представлен только абсолютный показатель, поэтому его относительное значение было рассчитано авторами самостоятельно¹⁶.

Объясняющими переменными выступают культурные характеристики, выделенные Г. Хофстеде, обозначения которых представлены в *таблице 3*. Переменные измеряются в баллах от 1 до 100. Используются вторичные эмпирические данные проекта HOFSTED INSIGHTS¹⁷, методика проведения которого по всем шести показателям подробно описана в [16]. Подчеркнем, что, несмотря на разный период данных, применяемых для построения модели, они сопоставимы, поскольку, как отмечалось нами ранее, характеристики национальной культуры изменяются во времени очень медленно.

Анализ проводился на основе данных по 55 странам, по которым имелись все показатели, следовательно, выборка является сбалансированной. Расчеты осуществлены с использованием программного пакета Gretl. Построенная модель линейной регрессии (значение коэффициента детерминации R-квадрат = 0,46) позволила выявить, что спецификой национальной культуры можно объяснить 46% всех факторов, влияющих на уровень распространения волонтерства в обществе, поскольку, как было показано нами в предшествующем разделе, спектр факторов достаточно разнообразен. Кроме того, установлено, что влияние таких факторных переменных, как дистанция власти, избегание неопределенности и долгосрочная ориентация, на уровень волонтерства в стране не значимо.

На наш взгляд, отсутствие существенной зависимости с критерием долгосрочности связано с тем, что большая часть волонтерских проектов реализуется за счет бюджетных средств,

Таблица 3. Культурные характеристики концепции Г. Хофстеде

Фактор	Обозначение	Характеристика
Дистанция власти (Power Distance)	PD	Показывает степень, с которой наделенные относительно меньшей властью члены общества или организации ожидают и допускают неравномерность распределения власти
Индивидуализм (Individualism)	Ind	Степень, с которой люди в обществе интегрированы в группы; предполагает, что каждый будет заботиться о себе и своих ближайших родственниках; напротив, коллективизм направлен на интеграцию людей с рождения в сильные, сплоченные группы, часто большие семьи (с дядями, тетями, бабушками и дедушками), которые призваны защищать их в обмен на беспрекословную лояльность
Маскулинность (Masculinity)	M	Степень распространенности в обществе мужских социальных ценностей, сопровождающейся высокой конкуренцией, дифференциацией гендерных ролей в обществе, ориентацией на достижения и успех
Избегание неопределенности (Uncertainty Avoidance)	UA	Показывает степень, с которой принадлежащие к одной культуре люди будут бояться неопределенных и незнакомых ситуаций
Долгосрочная ориентация (Long Term Orientation)	LTO	Показывает, насколько обществу свойственны прагматизм и стратегическая ориентация на будущее, в частности упорство, бережливость
Терпимость (Indulgence)	I	Показывает степень, с которой люди в обществе контролируют свои желания в удовлетворении естественных и социальных потребностей, в т. ч. связанных с организацией досуга

Составлено по: Аузан А.А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021. С. 39–45; [16].

¹⁶ Доля волонтеров в общей численности населения страны рассчитана авторами на основе Отчета о состоянии добровольчества в мире за 2018 год: связующая нить URL: https://www.unv.org/sites/default/files/51692_UNV_SWVR_2018_Russian_WEB_20-11.pdf и Доклада о добровольчестве (волонтерстве) в Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details.html?id=169>

¹⁷ <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/>

средств международной помощи в рамках решения текущих социально значимых проблем, спектр которых значительно дифференцирован в зависимости от уровня развития страны. Кроме того, финансирование волонтерских проектов международными организациями стирает четкую зависимость с национальной спецификой нерешенных социально-экономических проблем, поскольку спонсирующие организации задают вектор их реализации, исходя из собственных представлений и интересов [18]. В целом необходимо заметить, что данные проекты существенно отличаются от классических инвестиционных проектов, что, на наш взгляд, выражается в отсутствии значимой взаимосвязи с параметрами временной перспективы, а также неопределенности внешней среды.

Отсутствие значимой причинной зависимости между уровнем волонтерства и уровнем дистанцированности власти объясняется спецификой вовлечения граждан в волонтерскую деятельность (инициатива может как исходить от граждан, так и задаваться со стороны государства).

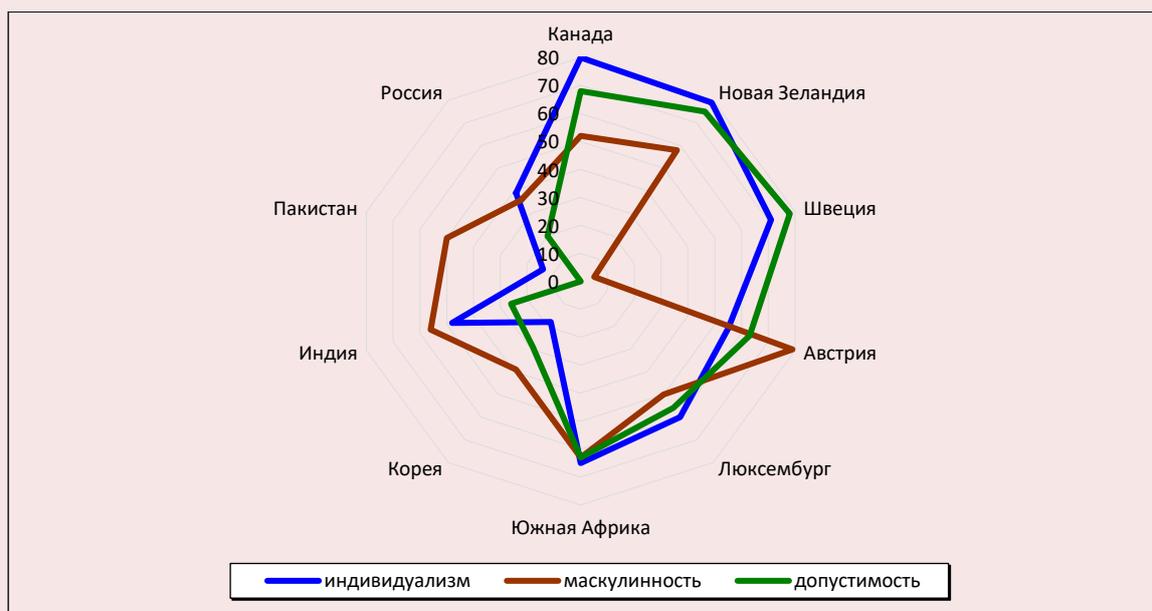
Результаты эконометрического моделирования методом пошаговой регрессии представлены в *таблице 4*.

Таблица 4. Характеристика параметров эконометрической модели

Показатель	Коэффициент	Стандартная ошибка
const	1,832***	0,6629
Ind	0,034***	0,0084
M	-0,022**	0,0087
I	0,026***	0,0089
Критерий Шварца	199,335	
Коэффициент детерминации	0,417	
***, ** – значимость на 1 и 5%-ном уровне соответственно.		

Установленные факторные зависимости подтверждают гипотезу исследования, состоящую в том, что в национальной культуре только определенные ценности и поведенческие установки влияют на предпочтения индивидов в процессе принятия решения об участии в волонтерской деятельности. Причем значимость их влияния на данный процесс, как показывают данные таблицы 4, также отличается. *Рисунок* демонстрирует подтверждение установленных с помощью модели зависимостей по странам-лидерам и странам-аутсайдерам по доле волонтеров в общей численности населения. Кроме того, значимость влияния культурных характеристик на уровень

Распределение стран по типу культуры в концепции Г. Хофстеде

Составлено по: <https://www.hofstede-insights.com/product/compare-countries/>

развития волонтерства подтверждена результатами существующих исследований в рамках отдельных стран.

Во-первых, согласно характеристикам, выделенным Г. Хофстеде, высокий уровень индивидуализма предполагает личную ответственность за достигнутый уровень жизни, стремление к самореализации, а также заботу, прежде всего о себе, своих ближайших родственниках. Акцент на индивидуальной ответственности, активной гражданской позиции, индивидуальном подходе к каждому человеку формирует условия для проявления заботы о других членах общества в форме участия в волонтерской деятельности. Такие ценностные установки, как подчеркивает И.А. Купцова, мотивируют вовлечение в волонтерство людей среднего возраста [46].

Возможность наращивания человеческого капитала в виде получения опыта работы и профессионального обучения, развития новых навыков, налаживания контактов, полезных для оплачиваемой работы, улучшения перспектив трудоустройства в большей степени характерна для вовлечения в волонтерскую деятельность студенческой молодежи [12; 19; 46]. При этом, согласно результатам исследования Н. Grönlund et al., данные мотивы можно рассматривать в качестве первоначального мотива вовлечения студенческой молодежи в волонтерскую деятельность или эпизодического участия в ней [19]. Спрос на волонтерскую деятельность в этом случае мотивирован большей лояльностью потенциальных работодателей к кандидатам, поскольку они предполагают, что такие сотрудники в профессиональной деятельности будут отказываться от личных интересов в пользу интересов организации [19]. Не случайно высокий уровень эмпатии входит в группу т. н. *soft skills*¹⁸, приоритетность которых по сравнению с накоплением профессиональных знаний и навыков (*hard skills*) является современным трендом изменения требований работодателей к качеству человеческого капитала сотрудников [55; 56, с. 470]. Как показывают

результаты некоторых исследований, в странах, в которых утилитарные мотивы участия в волонтерской деятельности являются общепринятой нормой, волонтерство увеличивает заработную плату сотрудников от 6% (Канада) до 18% (Австрия) [19]. Заметим, что указанные страны, как отмечалось нами ранее, входят в пятерку лидеров по доле волонтеров в общей численности населения. Тем не менее необходимо отметить, что утилитарные мотивы характерны в большей степени для эпизодического волонтерства, тогда как регулярное участие в волонтерской деятельности определяется в основном ценностными (альтруистическими) мотивами [19].

Во-вторых, обратная взаимосвязь с культурной характеристикой маскулинность означает, что развитие волонтерства в большей степени распространено в национальных культурах феминного типа, для которых свойственно, говоря языком Г. Хофстеде, «сочувствие слабым» [16].

Ценности заботы соответствуют доминирующим в современном обществе образным конструкциям представлений о волонтерской деятельности и являются одним из ее существенных признаков. Заметим, что укорененность такого представления о волонтерстве обеспечивается передачей опыта распространенных в XIX веке практик вспомоществования нуждающимся и бедным представителями среднего класса (см. подробнее [18; 46]). Однако на современном этапе развития общества, по мнению Р. Lukka и А.Е. Paine, представление о волонтерстве только с позиций помощи нуждающимся выступает ограничивающим фактором вовлечения молодежи в волонтерскую деятельность и нуждается в ребрендинге [18].

В-третьих, установленная значимая зависимость с уровнем терпимости, предполагающим относительно свободное удовлетворение основных потребностей, связанных с наслаждением жизнью и активной организацией досуга, с одной стороны, подтверждает, что волонтерство по инициативе граждан, как было отмечено нами ранее, не может развиваться в условиях потребительского стандарта выживаемости, когда людям необходимо концентрировать внимание на решении собственных проблем. С другой стороны, волонтерство, как подчеркивают результаты исследований, многими рассматривается в качестве активной формы ор-

¹⁸ Напомним, что к этим требованиям также относят компетенции, связанные со способностью к самообразованию и умению обучаться, возможностью работать в команде, мотивацией к достижениям, высоким уровнем самосознания и адаптивности к изменениям, конструктивной реакцией на критику.

ганизации досуга, что согласуется с указанным выше содержанием данной культурной характеристики по Г. Хофстеде.

Подчеркнем, что для обществ с высоким уровнем терпимости свойственны важность свободы слова и самоподдерживающий порядок, не предполагающий высокой концентрации силовых структур. Эти факторы выступают в качестве необходимых условий формирования гражданского общества, в котором вовлеченность людей в волонтерскую деятельность является общепринятой социальной практикой [57].

В следующем разделе с учетом выявленных культурных характеристик, способствующих вовлечению населения в волонтерскую деятельность, и проанализированных нами эффективных технологий определим контурно механизм нивелирования барьеров, сдерживающих развитие волонтерства в России.

Направления интенсификации диффузии волонтерства в России: культурные основания

Согласно методике Г. Хофстеде для России в большей степени характерно проявление коллективистской культуры (значение параметра «Индивидуализм» – 39), феминных по сравнению с маскулинными черт (значение параметра «Маскулинность» – 36), а также высокая степень ограниченности социальными нормами в проявлении собственных потребностей, в т. ч. связанных с организацией досуга, склонность к пессимизму и цинизму (значение параметра «Терпимость» – 20)¹⁹. Что касается первых двух культурных характеристик, то внедрение принципов рыночной экономики в институциональную матрицу (в терминах С.Г. Кирдиной [58]) в начале 1990-х гг. привело к постепенному изменению их траектории. Это значит, что при определении основных направлений интенсификации диффузии волонтерства в России с учетом ее культурных параметров можно использовать синтез индивидуально-коллективистских мер, а также наряду с принципами экономики заботы²⁰ акцентировать внимание на формировании институтов повышения мотивации участия в волонтерской деятельности.

¹⁹ <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/russia/>

²⁰ Формирование данной системы институтов, обеспечивающих эгалитарный тип взаимодействия между мужчинами и женщинами в семье, подробно рассмотрен в предшествующих работах авторов. См. [54].

Во-первых, государство может влиять на уровень развития волонтерства в большей степени только через формализованные структуры (НКО). Следовательно, в качестве основных направлений интенсификации распространения волонтерства среди населения можно выделить увеличение количества организаций, расширение спектра видов их деятельности, учитывающих в большей степени специфические интересы потенциальных волонтеров (кастомизация волонтерских практик), а также повышение доступности волонтерских практик [59, с. 579]. Представляется, что с этой целью необходимо поддерживать деятельность некоммерческих организаций, работающих с разной целевой аудиторией, чтобы участники чувствовали принадлежность к определенной группе населения. Это позволит, с одной стороны, вовлечь в общественную жизнь ту часть населения, которая обладает достаточным потенциалом гражданского участия в форме волонтерской деятельности, но нуждается в создании специальных условий (люди старшего поколения, «тоскующие» по массовым общественно значимым мероприятиям советского типа, молодежь, стремящаяся выстроить сеть социальных связей, которые далее можно использовать для наращивания своего человеческого капитала, и т. п.). С другой стороны, это отвечает принципам коллективистской культуры, когда представители группы стремятся защитить друг друга, оказывая помощь в разных формах. В этом случае возможен большой охват различных социальных групп населения с предоставлением помощи на основе более индивидуализированного подхода к учету потребностей данной группы. При этом необходимо учитывать, что эффективность вовлечения населения в волонтерскую деятельность зависит от системности ее организации. Как показывает опыт других стран, решить данную задачу возможно при наличии штата ключевых сотрудников [60, с. 884]. По сути, они являются связующим звеном между индивидом и обществом, от их навыков и умений зависит прочность и продолжительность интереса каждого человека к волонтерской деятельности. Опираясь на социальные связи потенциальных волонтеров, штатные сотрудники НКО, учитывая индивидуальные мотивы вовлечения, обеспечивая эффективную коммуникацию, в т. ч. посредством

использования онлайн-площадок, и оказывая поддержку в адаптации к участию в волонтерских практиках, обеспечивают перманентное расширение сети волонтеров [61, с. 7]. В качестве перспективной технологии работы с потенциальным волонтером может стать Buddy system, которая является аналогом партнерской программы, когда за человеком «закрепляется» приятель и пара работает совместно до достижения определенного результата²¹ [62, с. 257]. Исходя из того, что в настоящее время в России государство выступает одним из ключевых грантодателей третьего сектора, необходимо уделять большее внимание вопросам финансовой поддержки НКО в аспекте увеличения гражданского участия в решении социально значимых проблем общества.

Во-вторых, постепенная трансформация в России культурных ценностей в сторону индивидуализации и маскулинности обуславливает рост ориентации на индивидуальный успех, активность, амбициозность, планирование будущего [50, с. 128], что предполагает обязательность формирования институтов повышения мотивации участия в волонтерстве. В связи с этим посредством проведения лонгитюдных исследований необходимо выявить спектр факторов, мотивирующих на гражданское участие в форме волонтерской деятельности и на этой основе разработать стратегию развития волонтерской деятельности в России с учетом выявленных индивидуальных потребностей, а также обеспечить доступ к волонтерским практикам всем категориям населения (включая инвалидов, мигрантов и пр.)²².

В-третьих, с целью нивелирования проявлений пессимизма и цинизма среди населения по отношению к волонтерам в России необходимо сформировать систему институтов повышения репутации волонтерской деятельности среди населения в различных формах (см. табл. 2). Кроме того, следует разработать стратегию ребрендинга волонтерства, включающую спектр специализированных мероприятий для работодателей, предполагающих повышение их заинтересованности через осознание значимости

привлечения сотрудников, имеющих опыт волонтерской деятельности, для компании. Безусловно, необходимо подчеркнуть, что интенсификация вовлечения граждан в волонтерскую деятельность возможна, как отмечалось нами ранее, только на фоне повышения уровня и качества жизни населения в России с широким спектром возможностей организации досуга и активизацией его форм.

В целом необходимо подчеркнуть, что механизм преодоления барьеров, препятствующих развитию волонтерства в России, должен строиться на принципах осознанного его продвижения²³ [64] посредством создания комплексной системы институтов (см. табл. 2), определяющих условия эффективной мобилизации волонтеров на системной основе²⁴ и поддерживающих мотивацию населения участвовать в волонтерских практиках. В данном разделе мы обозначили только некоторые из возможных направлений, согласованные с культурной конструкцией России, поскольку разработка комплексной системы институтов диффузии волонтерства в обществе является самостоятельным исследованием и не входит в число поставленных авторами в статье задач.

Заключение

Постановка целей устойчивого развития национальных социально-экономических систем предполагает поиск новых ресурсов для их достижения. В качестве одного из потенциальных факторов выступает усиление роли гражданского общества в данном процессе, в т. ч. посредством интеграции волонтерства в национальные стратегии реализации Повестки-2030. Как показал проведенный анализ, несмотря на признание вклада волонтерства в решение социально значимых проблем, уровень его распространения в странах остается на низком. Систематизация барьеров развития и технологий интенсификации диффузии волонтерства за рубежом и в России позволила установить, что необходимым условием для выстраивания наиболее эффективного механизма повышения уровня гражданского участия становится учет культурных ценностей и установок наци-

²¹ В России данная технология реализуется, например, в образовательной сфере. URL: <https://privet.urfu.ru/trajectories/special/international/buddy/>

²² О данных практиках развития волонтерства см. подробнее [6; 63, с. 1130].

²³ Laws and Policies Affecting Volunteerism Since 2001. A Research Report. United Nations Volunteers (UNV), 2009. 103 с.

²⁴ State of the World's Volunteerism Report. Transforming Governance. United Nations Volunteers (UNV), 2015. 132 с.

ональных социально-экономических систем. Проведенное исследование показывает значимость определенных характеристик национальных культур в процессе вовлечения населения в волонтерскую деятельность и применительно к российскому контексту позволяет определить возможные направления его интенсификации,

согласованные с культурной конструкцией страны. Полученные результаты представляют ценность как с теоретической, так и с практической точки зрения и могут получить дальнейшее развитие при разработке комплексной системы институтов диффузии волонтерства в обществе.

Литература

1. Артамонова А.С. Волонтерство в условиях пандемии: основные тенденции // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы VI междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 29 марта – 2 апреля 2021 г.): в 2-х частях. Ч. 2. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. С. 171–175.
2. Arai S.M. Volunteering in the Canadian Context: Identity, Civic Participation and the Politics of Participation in Serious Leisure. In: *Volunteering as leisure/leisure as volunteering. An International Assessment*. Ed. by R.A. Stebbins, M. Graham. 270 p.
3. McNamara T.K., Gonzales E. Volunteer transitions among older adults: The role of human, social, and cultural capital in later life. *Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*, 2011, no. 66B, pp. 490–501.
4. Tang F., Morrow-Howell N., Hong S. Inclusion of diverse older population in volunteering. *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*, 2009, no. 38, pp. 810–827.
5. Pantea M.-C. Understanding non-participation: perceived barriers in cross-border volunteering among Romanian youth. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2015, vol. 20, no. 3, pp. 271–283. <http://dx.doi.org/10.1080/02673843.2013.793205>
6. Roker D., Player K., Coleman J. Challenging the image: The involvement of young people with disabilities in volunteering and campaigning. *Disability & Society*, 1998, no. 13, pp. 725–741.
7. Helms S., McKenzie T. Gender differences in formal and informal volunteering in Germany. *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, 2014, no. 25, pp. 887–904.
8. Taniguchi H. Men's and women's volunteering: Gender differences in the effects of employment and family characteristics. *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*, 2006, no. 35, pp. 310–319.
9. O'Brien L., Townsend M., Ebdem M. *Environmental Volunteering: Motivations, Barriers and Benefits*. Report to the Scottish Forestry Trust and Forestry Commission. 128 p.
10. Krajňáková E., Šimkus A., Pilinkiene V., Grabowska M. Analysis of barriers in sports volunteering. *Journal of International Studies*, 2018, no. 11 (4), pp. 254–269. DOI:10.14254/2071-8330.2018/11-4/18
11. Haski-Leventhal D., Meijs L.C.P.M., Lockstone-Binney L., Holmes K., Oppenheimer M. Measuring volunteerability and the capacity to volunteer among non-volunteers: Implications for social policy. *Social Policy & Administration*, 2017, no. 52 (5), pp. 1139–1167. DOI: 10.1111/spol.12342
12. Lee K.-H., Alexander A.C., Kim D.-Y. Motivational factors affecting volunteer intention in local events in the United States. *Journal of Convention & Event Tourism*, 2013, no. 14 (4), pp. 271–292. DOI: 10.1080/15470148.2013.816646
13. Stukas A.A., Snyder M., Clary E.G. Understanding and encouraging volunteerism and community involvement. *The Journal of Social Psychology*, 2016, no. 156, pp. 243–255.
14. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. (Современная институционально-эволюционная теория).
15. Институциональные ограничения экономической динамики: монография / науч. ред. В.Л. Тамбовцев. М.: ТЕИС, 2009. 524 с.
16. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011, no. 2 (1). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1014>
17. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / А.А. Аузан [и др.] // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75–91.

18. Lukka P., Paine A.E. An exclusive construct? Exploring different cultural concepts of volunteering. *Voluntary Action*, 2001, no. 3 (3), pp. 87–109.
19. Grönlund H. et al. Cultural values and volunteering: A cross-cultural comparison of students' motivation to volunteer in 13 countries. *Journal of Academic Ethics*, 2011, no. 9 (2), pp. 87–106.
20. Aydinli A., Bender M., Chasiotis A. Helping and Volunteering across Cultures: Determinants of Prosocial Behavior. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2013, no. 5 (3). <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1118>
21. Kolnick L., Mulder J. Strategies to improve recruitment of male volunteers in nonprofit agencies. *American Journal of Hospice & Palliative Medicine*, 2007, no. 24 (2), pp. 98–104.
22. Певная М.В., Кузьминчук А.А. Возможности и барьеры развития управления волонтерством в российском регионе (на примере Свердловской области) // Вопросы управления. 2016. № 4. С. 77–85.
23. Southby K., South J. *Volunteering, Inequalities and Barriers to Volunteering: A Rapid Review*. Leeds Beckett University, 2016. 51 p.
24. Bang H. Volunteer age, job satisfaction, and intention to stay. *Leadership & Organization Development Journal*, 2015, no. 36, pp. 161–176.
25. Rovers J., Japs K., Truong E., Shah Y. Motivations, barriers and ethical understanding of healthcare student volunteers on a medical service trip: a mixed method study. *BMC Medical Education*, 2016, 16:94. DOI: 10.1186/s12909-016-0618-0
26. Nichols G., Grix J. 'How sport governance impacted on Olympic legacy: a study of unintended consequences and the "Sport Makers" volunteering programme'. *Managing Sport and Leisure*, 2016, vol. 21, no. 2, pp. 61–74. <https://doi.org/10.1080/23750472.2016.1181984>
27. Mainar I., Servos C., Gil M. Analysis of volunteering among Spanish children and young people: Approximation to their determinants and parental influence. *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, 2015, no. 26, pp. 1360–1390.
28. Ishizawa H. Civic participation through volunteerism among youth across immigrant generations. *Sociological Perspectives*, 2015, no. 58 (2), pp. 264–285.
29. Van Goethem A.A., van Hoof A., van Aken M.A.G., Orobio de Castro B., Raaijmakers Q.A.W. Socialising adolescent volunteering: How important are parents and friends? Age dependent effects of parents and friends on adolescents' volunteering behaviours. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2014, no. 35, pp. 94–101. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2013.12.003>
30. Youssim I., Hank K., Litwin H. The role of family social background and inheritance in later life volunteering: Evidence from SHARE-Israel. *Research on Aging*, 2015, no. 37 (1), p. 3.
31. Петрина О.А. Развитие добровольческой деятельности в России // Вестник ГУУ. 2019. № 4. С. 163–167.
32. Dyson S.E., Korsah K.A., Liu L.Q., O'Driscoll M., van den Akker O.B.A. Exploring factors having an impact on attitudes and motivations towards volunteering in the undergraduate nursing student population – A comparative study of the UK and Ghana. *Nurse Education in Practice*, 2021, no. 53: 103050. <https://doi.org/10.1016/j.nepr.2021.103050>
33. Einolf C.J. Gender differences in the correlates of volunteering and charitable giving. *Nonprofit & Voluntary Sector Quarterly*, 2011, no. 40, pp. 1092–1112.
34. Fyall R., Gazley B. Applying social role theory to gender and volunteering in professional associations. *Voluntas: International Journal of Voluntary & Nonprofit Organizations*, 2015, no. 26, pp. 288–314.
35. Fegan C., Cook S. Experiences of volunteering: a partnership between service users and a mental health service in the UK. *Work*, 2012, no. 43, pp. 13–21.
36. Rotolo T., Wilson J. Social heterogeneity and volunteering in U.S. cities. *Sociological Forum*, 2014, no. 29 (2), pp. 429–452. <https://doi.org/10.1111/socf.12091>
37. Breheny M., Pond R., Lilburn L.E.R. "What am I going to be like when I'm that age?": How older volunteers anticipate ageing through home visiting. *Journal of Aging Studies*, 2020, no. 53: 100848. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2020.100848>
38. Connolly S., O'shea E. The perceived benefits of participating in volunteering activities among older people: Do they differ by volunteer characteristics. *Activities, Adaptation & Aging*, 2015, no. 39 (2), pp. 95–108. <https://doi.org/10.1080/01924788.2015.1024075>
39. Layton M.D., Moreno A. Philanthropy and social capital in Mexico. *International Journal of Nonprofit & Voluntary Sector Marketing*, 2014, no. 19 (3), pp. 209–219. <https://doi.org/10.1002/nsvm.1498>

40. Enjolras B., Salamon L.M., Sivesind K.H., Zimmer A. *The Third Sector as a Renewable Resource for Europe. Concepts, Impacts, Challenges and Opportunities*. Palgrave Macmillan, 2018. 208 p.
41. Anheier H.K., Salamon L.M. Volunteering in cross-national perspective: Initial comparisons. *Law and Contemporary Problems*, 1999, vol. 62, no. 4, pp. 43–65.
42. *The Palgrave Handbook of Volunteering, Civic Participation, and Nonprofit Associations*. Ed. by D.H. Smith, R.A. Stebbings, J. Grotz. 1505 p.
43. Baqir F. *Evolution of Volunteerism in Pakistan. Strengthening Participatory Organizations (SPO)*. 2012. 27 p. https://www.academia.edu/24357196/Evolution_of_Volunteerism_in_Pakistan
44. Geumchan Hwang, Kyu-soo Chung, 2018. “South Korea,” *Sports Economics, Management, and Policy*. In: Kirstin Hallmann & Sheranne Fairley (ed.), *Sports Volunteers Around the Globe*, 2018. Pp. 225–235.
45. Кудринская Л.А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15–22.
46. Купцова И.А. Культура волонтерства: определение понятия и основные характеристики феномена // Педагогика искусства. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/kultura-volontyorstva-opredelenie-ponyatiya-i-osnovnye-harakteristiki-fenomena>
47. Яacobсон Л.И., Санович С.В. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 21–34.
48. Govaart M.M., van Daal H., Munz A., Keesom J. *Volunteering Worldwide*. Netherlands Institute of Care and Welfare, 2001. 257 p.
49. Полтерович В. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50. DOI: <https://doi.org/10.1001/jama.285.12.1649>
50. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 528 с.
51. Smith L.G. Mechanisms for public participation at a normative planning level in Canada. *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*, 1982, vol. 8, no. 4, pp. 561–572.
52. Åström J., Hinsberg H., Jonsson M.E., Karlsson M. *Citizen centric e-participation. A trilateral collaboration for democratic innovation. Case studies on e-participation policy: Sweden, Estonia and Iceland*. Tallinn: Praxis Center for Policy Studies, 2013. 47 p.
53. Allhutter D., Aichholzer G. Public Policies on eParticipation in Austria. In: Macintosh A., Tambouris E. (Hrsg.) *Electronic Participation (First International Conference on eParticipation [ePart])*. 2009. DOI: 10.1007/978-3-642-03781-8_3
54. Базуева Е.В. Система институтов гендерной власти в экономике России: основы теории и методологии: монография. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. 456 с.
55. Khasanzyanova, A. How volunteering helps students to develop soft skills. *Int Rev Educ*, 2017, pp. 363–379. <https://doi.org/10.1007/s11159-017-9645-2>
56. Базуева Е.В. Особенности формирования и использования человеческого капитала в условиях цифровизации экономики // Комплексное развитие территориальных систем и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики: мат-лы национ. (всеросс.) науч.-практ. конф. (8 ноября 2018 г., Орел). Орел: ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2018. С. 469–473.
57. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И. Яacobсона. М.: Вершина, 2008. 296 с.
58. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004. 256 с.
59. Narushima M. ‘Payback time’: community volunteering among older adults as a transformative mechanism. *Ageing and Society*, 2005, no. 25, pp. 567–584. DOI: 10.1017/S0144686X05003661
60. Maas S.A., Meijs L.C.P.M., Brudney J.L. Designing “National Day of Service” Projects to Promote Volunteer Job Satisfaction. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2021, no. 50 (4), pp. 866–888. DOI: 10.1177/0899764020982664
61. Shier M.L., Larsen-Halikowski J., Gouthro S. Characteristics of volunteer motivation to mentor youth. *Children and Youth Services Review*, 2020, no. 111: 104885. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.104885>
62. Jones K.S. Giving and volunteering as distinct forms of civic engagement: The role of community integration and personal resources in formal helping. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2006, vol. 35, no. 2, pp. 249–266.

63. Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Miene P.K., Haugen J.A. Matching messages to motives in persuasion: A functional approach to promoting volunteerism. *Journal of Applied Social Psychology*, 1994, 24, 13, pp. 1129–1149.
64. Young J., Passmore A. What is the occupational therapy role in enabling mental health consumer participation in volunteer work? *Australian Occupational Therapy Journal*, 2007, no. 54, pp. 66–69.

Сведения об авторах

Елена Валерьевна Базуева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Пермский государственный национальный исследовательский университет (614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: bazueva.l@mail.ru); ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а)

Анна Станиславовна Артамонова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Bazueva E.V., Artamonova A.S.

The Diffusion of Volunteering Abroad and in Russia: Cultural Foundations, Assessment of Barriers, Intensification Technologies

Abstract. The need to integrate volunteering into national strategies for achieving sustainable development goals, and the importance of its role in curbing the implications of crisis processes caused by the coronavirus pandemic have intensified the scientific search for barriers to civic participation in volunteering and mechanisms for eliminating them. At the same time, researchers focus on identifying barriers of a certain type on the example of one country or group of countries, and, when searching for ways to eliminate those barriers, they underestimate the role of national culture. The purpose of our study is to systematize barriers and promising technologies for intensifying the diffusion of volunteering among the population and to identify major features of national culture in this process. Barriers to the diffusion of volunteer activity in society are systematized into three groups: barriers on the part of the state, barriers on the part of the non-profit sector, and barriers on the part of the individual. We show national features of their formation, which proceed from the specifics of emergence and evolution of volunteerism in the course of socio-economic development. Using the postulates of institutional economic theory, we identify a system of institutions that intensify the diffusion of volunteering in society, including institutions for the promotion of volunteer practices, institutions for the development of civil society, institutions for the development of horizontal ties through network mechanisms for the diffusion of norms of civic participation, institutions for improving the reputation of volunteering among the population, the institute of volunteer education, institutions for increasing the motivation of participation in volunteering. On the basis of econometric analysis, we have determined that the cultural dimensions highlighted by G. Hofstede, such as the level of individualism, femininity and tolerance, have a significant impact on the extent of development of volunteering in the country. Taking into account the identified cultural features and effective technologies that promote residents' engagement in volunteer activities, we determine directions for intensification of this process in Russia. Development of a comprehensive system of institutions for the diffusion of volunteering in our country will be a promising area for our future research.

Key words: development of volunteering, barriers, leveling mechanisms, formal and informal institutions, institutions that intensify the diffusion of volunteering, national culture, Hofstede's cultural dimensions, sustainable development.

Information about the Authors

Elena V. Bazueva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Perm State University (15, Bukirev Street, Perm, 614990, Russian Federation; e-mail: bazueva.l@mail.ru), Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation)

Anna S. Artamonova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: artamonova.ast@gmail.com)

Статья поступила 10.11.2021.